

На правах рукописи

Гуляев Роман Владимирович

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ДИКТАТУРА: ХАННА АРЕНДТ И КАРЛ ШМИТТ

О СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Специальность 09.00.03 — История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание

ученой степени кандидата философских наук

Москва – 2013

Работа выполнена в Национальном исследовательском университете «Высшая Школа Экономики» на кафедре истории философии факультета философии

Научный руководитель: **Михайловский Александр Владиславович**, кандидат философских наук, доцент, НИУ ВШЭ, кафедра истории философии

Официальные оппоненты: **Кукарцева Марина Алексеевна**, доктор философских наук, профессор, Дипломатическая академия при МИД РФ, кафедра политологии и политической философии

Магун Артемий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук

Ведущая организация: кафедра теоретической и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Саратовского государственного университета им Н.Г. Чернышевского.

Защита состоится 23 декабря 2013 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.048.12 при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» по адресу: 109028, г. Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, ауд. 102.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по адресу: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Автореферат разослан « ____ » ноября 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук,
старший преподаватель

Горбатова Юлия Валерьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования

Американский мыслитель немецкого происхождения Ханна Арендт (1906-1975) в предисловии к своей работе «О революции» со ссылкой на В. И. Ленина называет XX век «веком войн и революций», и признает, что основные политические события этого столетия действительно сводились к этим двум понятиям. Сейчас, спустя 50 лет после первого издания этой работы, приходится признать актуальность ленинского определения и для первых десятилетий XXI века: ни войны, ни революции не исчезли, хотя первые именуется преимущественно «контртеррористическими операциями» и акциями «принуждения к миру», а вторые, имея вполне осязаемое начало, не получают внятного завершения и чем дальше, тем больше отдаляются от перспективы создания нового политического порядка в сторону хаотичной и перманентной гражданской войны. Требуется понять, изменились ли сами понятия войны и революции — или только их восприятие в нашем сознании; что стоит за исчезновением понятий «друг», «враг» из политического словаря; и, наконец, являются ли современные представительные либеральные демократии полноценной формой политической активности.

В этой связи неудивителен интерес к Арендт и другому автору, рассматривающему человеческую деятельность через призму политики, — Карлу Шмитту (1888-1985). Их работы, будучи посвященными событиям более или менее давнего прошлого, дают весьма продуктивный инструментарий для интерпретаций настоящего; многие выводы, казавшиеся спорными на момент выхода их книг, становятся убедительными сейчас, и даже те их тезисы, с которыми мы согласиться не можем, позволяют по-новому взглянуть на современность и определить ее черты. Кроме того, именно Арендт и Шмитт

предоставляют возможность актуализировать политико-философские учения, которые зачастую рассматриваются лишь с исторической точки зрения, — Аристотеля, Гоббса, Монтескье, Руссо — и демонстрируют их значимость не только для политического дискурса XVII-XVIII веков, но и для современности.

При этом было бы неправильно рассматривать концепции этих двух авторов беспроблемно, как просто дополняющие друг друга. И биографический контекст, и различия в научных методах, и, наконец, прямые аргументы друг против друга заставляют признать, что подходы Арндт и Шмитта к пониманию политики противоречат друг другу в основных положениях. Однако невозможно обойти стороной и очевидную близость тематики некоторых их работ и наличие большого количества релевантных для обоих авторов проблем и концепций. Таким образом, актуальным оказывается не только вопрос о том, что каждый автор говорил о политике, в чем видел ее сущность и специфику, но и о том, как их взгляды соотносятся друг с другом.

Степень разработанности темы

По отдельности концепции Арндт и Шмитта изучены достаточно широко и разносторонне, однако следует отметить отсутствие устоявшихся школ исследования; можно лишь достаточно условно объединять некоторых исследователей по признаку их отношения к этим авторам. Так, в англоязычной литературе имеется традиция предельно критического восприятия Шмитта. К ней можно отнести Юргена Хабермаса¹, Гопала Балакришнана², Уилльяма Шейермана³. Для этих авторов принципиально важно установить связь между ранними работами Шмитта и теми его произведениями, в которых высказывается поддержка нацизма, и благодаря этому рассматривать Шмитта как изначального сторонника тоталитарного режима.

¹ *Habermas J.* The Horrors of Autonomy: Carl Schmitt in English // *Habermas. The New Conservatism: Cultural Criticisms and the Historians' Debate.* — Cambridge, 1989.

² *Balakrishnan G.* The Enemy: An Intellectual Portrait of Carl Schmitt. — Verso, 2000.

³ *Scheuerman W.E.* Carl Schmitt: The End of the Law. — Rowman & Littlefield Publishers, 1999.

Другие, как Ричард Волин⁴, Шанталь Муфф⁵, Майкл Солтер⁶, Элен Кеннеди⁷, также воздерживаются от однозначных оценок и, разделяя взгляд на Шмитта как на убежденного противника демократии, но сами таковыми не являясь, используют его критику парламентской республики для указания слабых мест современных демократических систем.

Некоторые исследователи, как Хайнрих Майер⁸, Райнхард Меринг⁹ или Джон МакКормик¹⁰, «легитимируют» Шмитта, изучая его влияние на Лео Штрауса, Александра Кожева и других авторов, а также через указание на сложность и противоречивость его биографии доказывают невозможность сведения его ранних и поздних работ к единому знаменателю.

На русском языке стоит особое внимание уделить исследованиям А. Ф. Филиппова¹¹, А. В. Михайловского¹², О. В. Кильдюшова¹³, в которых анализируется связь Шмитта с течением «консервативной революции», его отношение к Веймарской республике и попытки оказать влияние на нацистский режим, описываются основные проблемы, связанные с изучением Шмитта.

⁴ Wolin R. Carl Schmitt: The Conservative Revolutionary Habitus and the Aesthetics of Horror / Political Theory. — Vol. 20, No. 3 — 1992. — P. 424-447.

⁵ Mouffe C. The Democratic Paradox // Mouffe. The Challenge of Carl Schmitt. — Verso, 2000.

⁶ Salter M.G. Carl Schmitt: Law as Politics, Ideology and Strategic Myth. — Routledge-Cavendish, 2012.

⁷ Kennedy E. Constitutional Failure: Carl Schmitt in Weimar. — Duke University Press, 2002.

⁸ Meier H. Carl Schmitt, Leo Strauss und «Der Begriff des Politischen»: Zu einem Dialog unter Abwesenden. — J.V.Metzler, 1988. Русс. пер. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и Понятие политического. О диалоге отсутствующих. — М.: Скимень, 2012.

⁹ Mehring R. Carl Schmitt: Aufstieg und Fall: Aufstieg und Fall. Eine Biographie. — C.H.Beck, 2009.

¹⁰ McCormick J. Fear, Technology and The State: Carl Schmitt, Leo Strauss, and the Revival of Hobbes in Weimar and National Socialist Germany // Political Theory. — Vol. 22, № 4 — 1994. — P. 619-652.

¹¹ Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. — М.: Канон-пресс-Ц, Кучково Поле, 2000; Филиппов А.Ф. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. — СПб.: Владимир Даль, 2006. — С. 5-103; Филиппов А.Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии // Шмитт К. Диктатура. — СПб.: Наука, 2005. — С. 277-322; Филиппов А.Ф. Политика времен нацизма. Предисловие к публикации «Политики» Карла Шмитта / Социологическое обозрение. — Т. 9, № 3. — 2010. — С. 85-93.

¹² Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического / Вопросы философии № 9, 2008. — С. 158-171; Михайловский А.В. Политическая философия vs Политическая теология // Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. — М.: Скимень, 2012 — С. 167-191.

¹³ Кильдюшов О.В. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма. — М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2010. — С. 7-33.

В отношении Ханны Арендт исследовательская литература также представлена весьма широко, и в рамках выбранной темы стоит сосредоточиться прежде всего на работах, в которых исследуются философские основания ее взглядов. Так, Энтони Курт¹⁴ и Вернер Лакер¹⁵ отмечают сложность вопроса о границе между Арендт — политическим философом и Арендт — комментатором текущих событий.

Попытка вписать Арендт в традицию «теории тирании» и встроить ее в ряд мыслителей от Платона, Аристотеля и Тацита до де Токвиля и Вебера производится в работе Роджера Боше¹⁶. Кроме того, можно отметить исследования Маргарет Канован¹⁷ и Ирвинга Горовица¹⁸, рассматривающих Арендт в контексте англо-американской консервативной мысли, Дэна Майер-Каткина, описывающего рецепцию «Банальности зла» в американской публицистике¹⁹ и излагающего подробный анализ влияния Мартина Хайдеггера на Арендт²⁰. Также вокруг биографий Арендт и Хайдеггера строят свои работы Жак Таминье²¹ (у которого также есть переведенная на русский статья²², посвященная «ректорской речи» Хайдеггера и ее критике со стороны Арендт) и

¹⁴ *Court A.* Hannah Arendt's Response to the Crisis of her Times. — Unisa Press, 2009.

¹⁵ *Laqueur W.* The Arendt Cult: Hannah Arendt as Political Commentator // S.E.Aschheim. Hannah Arendt in Jerusalem. — University of California Press, 2001. — P. 47-65. Лакер приводит довольно анекдотичные примеры вроде возмущения Арендт студентами, которые приходили на ее лекции в джинсах, или ее неумения водить машину для обоснования ее «неправильной оценки» американской жизни. См. pp. 49-56.

¹⁶ *Boesche R.* Theories of Tyranny: From Plato to Arendt. — Penn State University Press, 1995

¹⁷ *Canovan M.* Hannah Arendt as a Conservative Thinker // L. May, J. Kohn. Hannah Arendt. Thirty Years Later. — MIT Press, 1997. — P. 11-32.

¹⁸ *Horowitz I.L.* Hannah Arendt: Radical Conservative. — Transaction Publishers, 2012.

¹⁹ *Maier-Katkin D.* The Reception of Hannah Arendt's Eichmann in Jerusalem in the United States 1963-2011. — Berlin Arendt Networking Group Newsletter. — Bd. 6, № 1/2. — 2011.

²⁰ *Maier-Katkin D.* Stranger from Abroad: Hannah Arendt, Martin Heidegger, Friendship and Forgiveness. — W. W. Norton & Company, 2010.

²¹ *Taminiaux J.* The Thracian Maid and the Professional Thinker: Arendt and Heidegger. — State University of New York Press, 1997.

²² *Таминье Ж.* Платоновские корни хайдеггеровской политической мысли // Ежегодник по феноменологии и герменевтике. № 1. — М.: Изд-во РГГУ, 2008. — С. 161-189.

Элизабет Янг-Брюль²³, на русском языке можно отметить вышедшую недавно работу Н. В. Мотрошиловой²⁴.

Концепция революции Арендт является важной темой в работе²⁵ отечественного исследователя А. В. Магуна (где, однако, Шмитту и «Банальности зла» внимание уделяется лишь эпизодически). Русскоязычные издания Арендт дополнялись послесловиями Ю. Н. Давыдова²⁶, В. В. Бибихина²⁷, А. Ф. Филиппова²⁸.

Наконец, некоторые авторы — Андреас Каливас²⁹, Маурисио Пассерин Д'Энтрев³⁰ и уже упомянутый Артемий Магун³¹ — в своих работах описывают одновременно концепции Арендт и Шмитта, однако не ставят вопрос о непосредственной полемике между ними и отслеживают скорее общие темы в их творчестве. Также сравнение концепций Штрауса и Арендт, находившихся в состоянии «неначатого диалога», производилось в статье³² Рональда Бейнера.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются интерпретации политики Арендт и Шмиттом. Политика как форма общения, направленная на созидание нового, либо как необходимость объединения перед лицом общего врага дают противоположные выводы о природе человека, т.е. субъекта, существующего

²³ *Young-Bruehl E.* Hannah Arendt. For Love of the World. — Yale University Press, 1982.

²⁴ *Мотрошилова Н. В.* Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие-время-любовь. — М.: Академический проект, Гаудеамус, 2013.

²⁵ *Магун А.В.* Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

²⁶ *Давыдов Ю. Н.* Ханна Арендт и проблема тоталитаризма // Арендт Х. Истоки тоталитаризма. — М.: Центрком, 1996. С. 623-639.

²⁷ *Бибихин В.В.* Послесловие переводчика // Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000. — С. 424-431.

²⁸ *Филиппов А. Ф.* Послесловие // Арендт Х. Жизнь ума. — М.: Наука, 2013. — С. 492-516.

²⁹ *Kalyvas A.* Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. — Cambridge University Press, 2008.

³⁰ *D'Entrèves M.P.* The Political Philosophy of Hannah Arendt. — Routledge, 1993.

³¹ *Магун А. В.* Единство и одиночество. Курс политической философии Нового времени. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.

³² *Beiner R.* Hannah Arendt and Leo Strauss: Uncommenced Dialogue / Political Theory. — Vol. 18, № 2. — 1990. — P. 238-254.

политически. Конкретным **предметом** исследования являются вопросы о революции, диктатуре и персональной ответственности за политические решения, составляющие основную проблематику работ Арендт («О революции» (1963), «Истоки тоталитаризма» (1951), «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» (1963)) и Шмитта («Диктатура» (1921), «Понятие политического» (1927)).

Цели и задачи исследования

Главной целью данного исследования является установление взаимосвязи между концепциями политики, разработанными Ханной Арендт и Карлом Шмиттом. Для ее достижения решены следующие задачи:

- 1) Описана специфика и основное содержание главных трудов Арендт, посвященных теории революции и проблематике тоталитарного общества; прослежены источники, оказавшие влияние на ее взгляды, и дана общая характеристика ее концепции.
- 2) Выделены основные характеристики теории политического Шмитта, проанализирована роль его учения о диктатуре в этой теории, выделены релевантные для него авторы и концепции политической философии.
- 3) Выявлены историко-политические сюжеты и проблемы, которые представляют важность для обоих авторов, и на этом материале произведено сравнение их подходов — как через высказанные тезисы и выводы, так и через «фигуры умолчания», т.е. проблемы, которые каждый из авторов избегает или не считает нужным озвучивать.

Методологические основания исследования

Выбранная интерпретация концепций Арендт и Шмитта подразумевает не просто дескрипцию основных положений их работ, но реконструкцию скрытой полемики между ними. Однако такая реконструкция все же подразумевает

необходимость предварительного изложения основного содержания их работ, в которых раскрывается предмет данного исследования. Согласно известному принципу герменевтики, сформулированному Г. Г. Гадамером, «понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям»³³, и в изложении теории политики Арендт данное исследование опирается на предположение о наличии у нее, помимо открыто обозначенных, скрытых мотивов, заключающихся в стремлении выстроить максимально независимую от Шмитта линию политической мысли и где возможно — критически ответить на его утверждения. Другое предположение относится к Шмитту и заключается в отнесении его к традиции этатизма. В «Диктатуре», хронологически одном из первых его сочинений, выявляются основания для такой интерпретации, однако одновременно выделяются и отдельные положения и сюжеты, не вписывающиеся в нее, и даются возможные варианты их объяснения. Этот метод (понимание целого из отдельного и отдельного из целого) восходит к определению герменевтического круга Ф. Шлейермахера и позволяет дать новую и продуктивную историко-философскую интерпретацию отдельных тезисов Арендт и Шмитта и их концепций в целом.

Научная новизна исследования

В ходе исследования получены следующие результаты:

1) Выделена концептуальная связь между работами Шмитта «Диктатура» и «Понятие политического». Историко-правовое описание различных взглядов на диктатуру как инструмент и исторические примеры ее применения является основанием для позднейшего определения политики как различения друга и врага.

³³ Гадамер Г.-Г. Философские основания XX века // Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — С. 17.

2) Произведен анализ основных положений книги Арендт «Банальность зла» с учетом ее позднейшей статьи «Личная ответственность при диктатуре», содержащей ответ на критику в адрес книги. Результатом произведенного анализа стало обоснование философской интерпретации данных работ, традиционно рассматриваемых в рамках исключительно историко-правовой проблематики.

3) В работах Арендт «О революции», «Банальность зла» и «Истоки тоталитаризма» выявлены отсылки к теории государства Шмитта, изложенной в его ранних работах, прежде всего «Диктатуре».

4) Созданы предпосылки для новой трактовки работ Арендт и Шмитта — не нейтральных и независимых по отношению друг к другу, но находящихся в состоянии скрытой полемики. Доказана возможность влияния Шмитта на Арендт через указание на предпринятый в ее работах поиск альтернативных оснований политического, противоположных шмиттовским.

5) На основании произведенного анализа сделан вывод о возможности создания концепции политики, учитывающей сильные и слабые стороны теорий обоих мыслителей, рассматривающей политику как пространство свободного диалога, направленного на создание справедливого правового порядка, однако не исключающей из рассмотрения понятие врага и необходимость сопротивления ему.

Положения, выносимые на защиту

1) Теория политики, изложенная Карлом Шмиттом в работе «Понятие политического» (различение друга и врага), опирается на более ранние его сочинения, в частности, — «Диктатуру». Между этими работами прослеживаются общие методические черты: внимание к ситуациям, выходящим за рамки регулярного законодательства; приоритет полномочий и инстанций, а не решений конкретного политического деятеля, в качестве

объекта исследования; как следствие — выведение политики за рамки морали и регулярного права.

2) Книга Ханны Арендт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» посвящена не только описанию судебного процесса, но и анализу этической проблемы, связанной с функционированием бюрократического аппарата. Определение бюрократии как «ничьего правления» (в противовес аристотелевской классификации «правления многих», «правления немногих» и т.д.) и указание на ее дегуманизованность и жестокость обосновывается как оппозиция подходу Шмитта к описанию диктатуры, постулирующему примат полномочий над личными качествами конкретного исполнителя.

3) В том, что Арендт описывает политику как форму диалога и подчеркивает в высшем ее проявлении — революции — именно аспект совместного творчества, превозносит первоочередную концептуальную важность законотворческой деятельности, а не борьбы за освобождение, прослеживается попытка уйти от шмиттовского понимания политики как вооруженного противостояния врагу.

4) Утверждается возможность применения антилиберального аргумента Шмитта, заключающегося в необходимости рассматривать человека как существо «опасное, рискованное» и «злое», против Арендт, оценивающей природу человека в целом оптимистически. Находится признание самой Арендт шмиттовского тезиса, согласно которому концепция «добротого» человека как минимум в некоторых ситуациях ведет к невозможности позитивного политического действия.

5) Арендт в работе «О революции» ссылается на трактовку Второй мировой как «всемирной гражданской войны» в ответ на попытку Шмитта оправдать преступления нацизма как необходимые меры для предотвращения гражданской войны.

б) Главный тезис сборника Арендт «Ответственность и суждение» о том, что человек несет ответственность даже в случае выполнения чужих приказов, поскольку политика является продуктом свободных решений, направлен на развенчание шмиттовского представления о политическом единстве как о безусловной ценности и призван вернуть политическое в пространство рефлексивной деятельности.

Теоретическая значимость. Результаты исследования можно использовать при подготовке лекционных курсов и семинаров по истории философии XX века, политической философии, этике.

Практическая значимость. На основе подготовленной диссертационной работы возможно составление нового научного комментария к работам Арендт и Шмитта.

Апробация работы. Результаты диссертационной работы представлены в статьях и других работах общим объемом около 4,2 п.л. Отдельные положения и выводы диссертации нашли свое отражение в выступлениях автора на:

1. Второй межвузовской научной конференции «Философия. Язык. Культура», организованной факультетом философии НИУ ВШЭ (Москва, 10.03.2011 — 11.03.2011), тема доклада: «Революция и диктатура как инструменты демократии. Х. Арендт и К. Шмитт»;
2. Четвертой межвузовской научной конференции «Философия. Язык. Культура», организованной факультетом философии НИУ ВШЭ (Москва, 26.04.2013 — 27.04.2013), тема доклада: «Проблема “решительного действия”»: Х. Арендт о диктатуре и *arsana imperii*».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, (первая из которых разделена на четыре параграфа, а вторая – на два), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение

Во введении формулируется основная проблема исследования, описываются его цели, актуальность темы, методологические основания, приводится обзор основных исследований по теме.

Глава 1. Действие и ответственность как политические категории в философии Ханны Арендт

В главе описываются понятия ответственности и действия в контексте политической философии Арендт. Понятие ответственности обретает политический смысл при анализе центральной проблемы «Банальности зла», а именно вовлеченности индивида в преступления, совершаемые по распоряжению законной власти. Особая трактовка категории действия сближает Арендт с политической философией Аристотеля и лежит в основе ее теории революции.

1.1. «Банальность зла»: философский аспект

В параграфе анализируются произведения Арендт, в которых присутствует попытка осмысления истории нацистского режима в Германии: «Истоки тоталитаризма», «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме», статья «Личная ответственность при диктатуре». Главная гипотеза настоящего исследования заключается в том, что Арендт в своих текстах, разбирая аргументы в защиту пособников нацизма, не просто воспроизводит звучавшие в зале суда высказывания, а во многом полемизирует с Карлом Шмиттом, известным правоведом и политическим теоретиком, тесно связанным с нацистским режимом и в своих работах разрабатывавшим схожие вопросы, но с иных позиций. Арендт пытается ответить на вопросы, в какой ситуации выполнение

служебного долга может считаться преступлением, снимает ли наличие приказа вину с исполнителя, и как следует поступить в случае конфликта закона и морали. Эти противоречия, достигающие особой интенсивности в условиях тоталитарного режима, происходят, по мнению Арндт, из-за утраты особого понимания природы политики, присущего античному полисному сознанию, и она говорит о необходимости реконструировать подобное понимание, опираясь прежде всего на политическую философию Аристотеля.

1.2 Место «Политики» в практической философии Аристотеля. Основные идеи трактата в интерпретации Ханны Арндт

В параграфе анализируется аристотелевское понимание политики в двух аспектах: 1) через поиск связи между политикой и другими областями человеческой деятельности (этикой, риторикой, искусством) и 2) через описание центральной дискуссии античной политической мысли между Платоном и Аристотелем, происходящей как на уровне понимания природы политических явлений, так и на уровне прагматического сравнения преимуществ и недостатков систем государственного устройства.

Сократ в диалоге «Государство» говорит, что государство — это объединение, в его основе лежит принцип абсолютного единства. Подобное единство подразумевает и единственность «истинной» формы государства. В основе политической концепции Аристотеля — понимание государства как множественности. Безусловно, государство по факту является объединением; однако объединяются люди, каждый из которых является носителем собственных взглядов, находящих выражение в его мнении. Диалог этих мнений и является, по сути, основой политического процесса. Анализируется аристотелевское определение человека как ζῷον πολιτικόν, пример формулировки демократических ценностей полиса в речи Перикла у Фукидида и приводятся примеры трактовки политики как формы общения в Средние века и эпоху Возрождения.

1.3 Влияние идей Аристотеля на творчество Ханны Арендт

В параграфе описывается арендтовская трактовка оснований тоталитаризма через дискуссию между ней и Хайдеггером. Излагается историко-философская концепция Ж. Таминье, указывавшего на платоновские корни хайдеггеровской политической мысли, выраженной в его речи «Самоутверждение немецкого университета» (1933). Арендт в своих возражениях опирается на аристотелевскую линию античной политической философии, указывая на опасность приоритета *bios theoretikos* над практической деятельностью, обосновывая необходимость различения творческого *poiesis* (производства) и *ponos*, труда, перманентно направленного на поддержание жизни. По Арендт, происходящая в современности фиксация на трудовой деятельности в ущерб политической активности ведет к превращению человека в *animal laborans* и его атомизации. Главная же возможность преодоления этой ситуации — революция, которая, по Арендт, является высшим творческим актом.

1.4 Теория революции Ханны Арендт

В этой работе Арендт выстраивает собственную историческую линию политической философии, рассматривая как генезис понятия «революция», так и две основных ее возможности, проявившиеся в XVIII веке: американскую Войну за независимость, приведшую к возникновению в 1776 году Соединенных Штатов Америки, и Французскую революции. Первая из них направлена не только на освобождение от существующего политического угнетения, но в первую очередь на удовлетворение фундаментальной потребности создания нового — нового права, нового порядка. Французская же революция преследует не только политические, но и экономические задачи (решение «социального вопроса», устранение имущественного неравенства), сталкивается с неустранимыми внутренними противоречиями, постепенно теряет поддержку отдельных групп сторонников и оказывается вынуждена

прибегать к насилию, выражением которого является революционный террор, а аппаратом управления — диктатура.

Глава 2. Концепция диктатуры Карла Шмитта

В главе разбирается то, каким образом понимание Шмиттом природы политики нашло отражение в его работе «О диктатуре». Сама логика произведения Шмитта указывает на то, что диктатура для него — не политический лозунг, призванный охарактеризовать действия того, кто ее применил, как беззаконие и тем самым дискредитировать его, но важное и эффективное политическое средство. Проблематизируется не только сама возможность применения диктатуры, но также способ эффективного ее ограничения рамками закона, что для Шмитта не менее принципиально.

2.1 Диктатура как проявление политического

Этот параграф посвящен генезису понятия диктатуры и практики ее применения в описании Шмитта. Указывая на ее корни в республиканском Риме, он последовательно анализирует примеры из Средневековья и Нового времени и приходит к выводу, что, в сущности, вопрос о власти определялся именно тем, подразумевается ли возможность назначения временного комиссара, который бы контролировал и форсировал воплощение решений этой власти. Анализируются взгляды на диктатуру средневековых церковных мыслителей, Макиавелли, представителей теории *arsana imperii*, Бодена, Монтескье. Однако особенно отчетливую, предельную форму вопрос соотношения власти и права (которым, в сущности, является вопрос о диктатуре) проявляется в ходе революции, когда речь идет уже не о комиссарской, т.е. исполняющей поручение высшей инстанции, но о суверенной диктатуре, которая служит средством установления нового политического порядка. Описывая интеллектуальные предпосылки Французской революции, Шмитт говорит о заложенной Просвещением

программе «диктатуры разума», оправдывающей ничем не ограниченное господство «разумного» меньшинства над «неразумным» большинством. Революционный террор с этой точки зрения в принципе не является насилием, так как носит фактически педагогическую задачу, позволяет тем, на кого он направлен, избавиться от собственных страстей и стать по-настоящему свободными.

2.2 Французская революция: *force publique* как угроза праву

В этом параграфе анализируется изложение Шмиттом трансформаций, которые комиссарская диктатура претерпевала на разных этапах Великой французской революции, а также делается вывод о глубокой и противоречивой связи между регулярным правом и военной силой. Шмитт показывает, как в 1791 году Национальное собрание, испытывая подозрение к любой исполнительной власти и сталкиваясь с противодействием местных властей, сохранившихся от прежнего режима в различных частях страны, назначает многочисленных комиссаров, наделенных широкими полномочиями и призванных способствовать проведению революционной политики. Комиссары фактически призваны дестабилизировать и разрушать существующую административную систему через выявление внутри нее контрреволюционных и неблагонадежных элементов, а через также нарушение сложившихся цепочек управления с помощью своих чрезвычайных полномочий. Однако уже в 1793-м, столкнувшись с угрозой иностранного вторжения, революционное правительство стремится к максимальной централизации управления страной, и разрозненно действующие комиссары оказываются помехой. Им на смену приходит упорядоченный аппарат революционной власти на местах, фактически удваивающей структуру управления, т.к. регулярные местные органы власти также продолжают действовать. Такая структура позволяет проводить ничем не ограниченную мобилизацию людских и экономических

ресурсов, смещая фокус революционного террора с отдельных активных контрреволюционеров на целые группы тех, кто потенциально мог бы противодействовать этой мобилизации. В этой ситуации отображается главный парадокс шмиттовской концепции диктатуры: с одной стороны, Национальный конвент — суверенный политический субъект, сохраняющий способность действовать в условиях остановки регулярной системы права, и поэтому его борьба против действительных врагов, препятствующих установлению нового порядка, оправдывается фактической необходимостью. С другой — для реализации собственных решений революционное правительство создает параллельную властную структуру, формально наделенную лишь контролирующими полномочиями, но на практике совмещающую в себе законодательную и исполнительную власть. Эффективность этой системы «публичной силы», *force publique*, имеет обратной стороной отсутствие каких-либо препятствий к тотальному террору и всеобщей мобилизации и целенаправленно подрывает два основополагающих принципа государства: единства и безопасности.

Глава 3. «Банальность зла» как полемика со Шмиттом

В заключительной главе концепция «Банальности зла» Ханны Арендт рассматривается применительно к шмиттовской трактовке суверенитета и политического действия. Арендт предлагает перестать отождествлять категории повиновения и согласия, оставив политический смысл только у второй. Повиноваться может только ребенок, который не выступает равноправным субъектом процесса воспитания; применительно же к взрослому человеку единственная область, где он безоговорочно подчиняется чужой воле, — это религия, к которой Арендт применяет аналогию все тех же отношений между ребенком и взрослым. Относительно же совместной деятельности взрослых людей Арендт говорит следующее: в любом начинании выделяется лидер, который сообщает остальным свой план и побуждает их к содействию.

Роль лидера несомненна, но без поддержки большинства его инициатива так и останется невоплощенной. главное этическое правило жизни при диктатуре, к которому приходит Арндт, — невзирая на внешние обстоятельства, постоянно прислушиваться к голосу своей совести, подвергать любые призывы и лозунги сомнению и ориентироваться скорее на воздержание от действия, нежели на соучастие.

Заключение

В заключении содержатся основные выводы работы. При всей читающейся сосредоточенности на идее свободы у Арндт и идее порядка у Шмитта оба они исходят в первую очередь из проблематики права. Революция рассматривается обоими теоретиками как предельная ситуация, в которой существующая правовая система перестает действовать и ей на смену либо свободно устанавливается новая, выстроенная в соответствии с представлениями о справедливости, либо волевым решением суверена (т.е. того, кто имеет возможность распоряжаться властью в ситуации, не регламентированной правом). С точки зрения Арндт Шмитт не может рассматриваться как сторонник революции. Вся проблематика, связанная со свободным действием, начинанием нового, «духом революции», ему чужда. Политический процесс как пространство свободы или как жесткая система вызовов и решений — вот камень преткновения между двумя философами. Однако нельзя не отметить, что при всех различиях их подходов вместе они дают весьма разностороннюю, разноплановую и предельно проблематизированную картину того, что является объектом политической философии — от Платона до наших дней.

Основное содержание диссертации нашло отражение в следующих публикациях:

1. Гуляев Р.В. «Эффективное действие» и регулярное право: дихотомия Карла Шмитта» / [Текст] Р.В. Гуляев // *Философские науки*. – 2013. – № 1. – С. 92-106. – 1,4 п.л.
2. Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре / [Перевод] Р.В. Гуляев // *Ответственность и суждение. / Арендт Х.* – М.: Издательство института Гайдара. – 2013. – С. 47-83. – 2,1 п.л.
3. Гуляев Р.В. Революция и диктатура как инструменты демократии. Х. Арендт и К. Шмитт / [Текст] Р.В. Гуляев // *Философия. Язык. Культура.* / Отв. ред.: Ю.В. Горбатова. – Вып. 2 – СПб.: Алетейя. – 2011. – С. 240-250. – 0,7 п.л.

Лицензия ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать « » _____ 20__ г. Формат 60x84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. Печ. Л _1_

Тираж 100 экз. Заказ № _____

Типография издательства НИУ ВШЭ

125319, г. Москва, Кочновский пр-д, д. 3